

Виэн вернулся на кухню и продолжил мыть посуду, стараясь вести себя так, будто ничего не произошло, но его дрожащие руки выдавали то, что творилось у него на душе.

Он только что встретился взглядом с Анселем.

Ансель выглядел таким юным, а его улыбка была такой уверенной и лучезарной — совсем не похожей на тот слабый и печальный образ, что запечатлелся в памяти. Лишь те янтарные глаза, как и в прошлой жизни, источали мягкое тепло, напоминая прохладную гладь озера, что заглядывает в иссохшее человеческое сердце.

Вспомнив последние слова, сказанные ему Анселем в прошлой жизни: «Держись, всё наладится», — Виэн лишь теперь осознал, сколько нежности таил в себе этот простой призыв.

Раз уж небеса даровали мне второй шанс, я ни за что не позволю себе повторить прежние ошибки.

Виэн рукавом яростно стер с лица слёзы, докрасна натерев кожу, и твёрдо решил усердно работать, выбросив из головы всякую чепуху. Он верил, что если в поместье Анселя вести себя скромно и благоразумно, этого хватит, чтобы прожить мирную и спокойную жизнь.

Но прежде предстояло разобраться с бедой матушки Лайру.

В прошлой жизни её сын из-за карточных долгов устроил скандал прямо в поместье, из-за чего и вскрылось, что матушка Лайру родила его вне брака, после чего её с позором выгнали. А о том, что Ансель втайне помог ей расплатиться с долгами, стало известно уже позже.

Сейчас же, судя по воспоминаниям Виэна, сын матушки Лайру должен был начать играть в азартные игры совсем недавно: выигрышей у него было больше, чем проигрышей, и в пучину он ещё не погрузился. Стоило вовремя и грамотно во всём разобраться, добавив немного собственных сбережений, — и кошмар прошлой жизни просто не повторится.

Разумеется, сказать об этом напрямую он не мог, а потому лишь заикающе произнёс:

— П-п-потому что...

В этот момент матушка Лайру похлопала его по плечу:

— Виви, ты в порядке? Не надыхался ли ты гарью на кухне? Хочешь, выйди и помоги Карлу с сервировкой, а я домою посуду за тебя?

Виэн понял, что напугал её своими покрасневшими глазами, и, поспешно выдавив улыбку, покачал головой.

Сделав глубокий вдох и глядя на неё, он неожиданно для самого себя успокоился и неторопливо проговорил:

— Потому что каждый раз, когда вы ходите, вы первой делаете шаг левой ногой.

Матушка Лайру уселась на место Визна и принялась за дело с ловкой сноровкой:

— Вот именно! Наш Виви лицом создан для того, чтобы в будущем стать старшим лакеем, так что нечего тебе вечно торчать на кухне. Ступай взгляни на слугу, которого молодой господин привёз из-за границы, посмотри на мир.

Помогая Карлу расставлять столовые приборы, Визн, дойдя до центрального места, даже не задумываясь, по привычке из прошлой жизни обслуживать трапезы Анселя поставил бокал и приборы с левой стороны.

— Виви! Ты разве не перепутал всё местами? — Карл, закончив со своей стороной, с беспокойством взглянул на Визна и, конечно же, замер в изумлении, поспешно шёпотом окликнув его.

Олли легко рассмеялся, а Карл прикусил губу и тревожно покосился на него. Лицо Визна мгновенно вспыхнуло. Он вовсе не испытывал сильного стыда — в прошлой жизни ему доводилось позориться и похлеще, — но краска всё равно легко заливала его щеки. Это происходило не на психологическом, а на физическом уровне, и именно эта особенность придавала ему столь робкий и невинный вид, способный ввести в заблуждение даже тех, кто хорошо знал его дурную славу.

Впрочем, за спиной раздался мягкий голос:

— Он ничего не перепутал.

Визн от неожиданности переспросил:

— А? — он с лёгким недоумением оглянулся. Всё верно: хотя Ансель писал правой рукой, он действительно был левшой.

За ним следовал его личный лакей Олли — улыбчивый молодой человек, который, как говорили, был компаньоном Анселя во время его учёбы за границей, отличался умом и глубокими познаниями.

Олли добавил:

— Стоит заметить, что обычно молодой господин ради удобства окружающих и в общественных местах ест правой рукой.

Ансель замер, на его лице на мгновение промелькнуло редкое выражение растерянности. Он опустил взгляд на собственные ноги:

— Разве существует такое поверье?

На самом деле Виэн и сам толком ничего не знал, но позже, когда они с Анселем уже состояли в отношениях, он часто прислуживал ему во время ужина в спальне. Однажды Ансель с лёгким кокетством в голосе попросил ставить стакан с молоком слева, и Виэн, жаждавший угодить любимому, накрепко запомнил эту деталь.

Оглянувшись назад, Виэн как раз увидел Анселя, который спускался по лестнице. Он переоделся в белую рубашку с кружевами, низкий хвост был перевязан чёрным бантом, а на пальце красовался его фирменный перстень с сапфиром.

Ансель подошёл к нему и, слегка приподняв голову, заглянул в глаза:

— Почему это я раньше не заметил тебя у входа?

Ансель был старше на два года, но при этом капельку ниже его ростом. В прошлой жизни Виэн любил подшучивать над этим, но теперь эта деталь казалась бесценной. Как давно он не стоял так близко к Анселю?

— Отвечаю молодому господину, я помогаю на кухне, — ответил Виэн.

Ансель кивнул:

— Перебирайся работать в холл. С твоей внешностью просто преступно не быть лакеем.

Карл немного встревожился. Холл — это не кухня, это парадная визитная карточка всего особняка:

— Но ведь он заикается...

Ансель бросил на Виэна взгляд и с улыбкой произнёс:

— Речь можно постепенно потренировать, от этого недуга вполне реально избавиться.

Зарплата лакея в холле была на половину выше жалованья кухонного работника. В прошлой жизни его перевели в старшие лакеи лишь после того, как он ценой собственной жизни спас Анселя, и Виэн почти не верил, что в этой жизни всё может сложиться так гладко.

На самом деле в прошлой жизни Виэн так и не избавился от заикания до самой смерти.

Но вслух он этого не произнёс. Напротив, слова Анселя воодушевили его, и он принял твёрдое решение измениться. Как уже упоминалось ранее, он слепо верил всему, что говорил Ансель.

Карл тут же подхватил его под мышки и с улыбкой поднял на ноги:

— Ну всё, слабенький плакса, чего тут смущаться? Как раз поможешь старшему брату.

Получив оценку, прямо противоположную той, что была в прошлой жизни, Виэн не удержался от улыбки:

— Меня зовут Виэн.

Ансель мягко улыбнулся в ответ, и его миловидное лицо ожило, словно рябь пробежала по весеннему пруду.

— Виэн, — произнес Ансель.

Вообще-то Виэн соврал, но Анселю это показалось вполне разумным.

Ансель приблизился к своему месту, но не спешил садиться. Рассеянно крутя на большом пальце правой руки перстень и немного подумав, он повернулся к Виэну и тихо промолвил:

— Не знаю, не сочтёшь ли ты это за оскорбление, но раз уж ты часть нашего поместья, то если столкнешься с какими-либо трудностями, можешь обратиться к управляющему или прийти прямо ко мне.

Он подбирал слова, опуская длинные ресницы:

— Мы поможем тебе, не надо... Я к тому, что не нужно прятаться и плакать в одиночку.

Виэн всё понял. Стать лакеем в холле так легко удалось вовсе не потому, что Ансель искренне счёл его смышлёным. Просто Ансель увидел его слёзы и решил, что тот столкнулся с какой-то бедой — а среди слуг подобные невзгоды чаще всего означали крайнюю нужду, — вот он и нашёл предлог повысить ему жалование.

Виэн даже не знал, какое выражение лица принять. Ансель всегда обладал удивительным даром лишать его всяких слов.

Заметив мрачное выражение на лице юноши, Ансель вздохнул:

— Походоно, я совсем не умею подбирать слова.

Он опустился на стул, так как Олли уже отодвинул для него кресло, и, подняв голову, улыбнулся Виэну:

— И всё же спасибо за твою внимательность. Сегодня я поужинаю так, как мне нравится.

(Примечание: в дальнейшем, для удобства чтения, заикание Виэна будет опускаться и станет упоминаться лишь в ключевые моменты сюжета. Так что пусть вас не удивляет, когда позже Виэн выдаст длинную тираду — на самом деле его речь ещё не исцелилась.)

После ужина, получив у управляющего форму лакея, Виэн не отправился отдыхать. Сначала он зашёл на кухню подогреть стакан молока. Ужин был приготовлен по старым вкусовым привычкам — довольно острым; Ансель обожал острую пищу, но желудок её не переносил. Виэн украдкой глянул на оставшиеся блюда: Ансель съел немало, а значит, к ночи у него почти наверняка разболится живот. Дождавшись, пока молоко согрелось, он оставил его в горячей воде для поддержания температуры, а затем отправился в комнату служанок и постучал в дверь матушки Лайру.

Лайру быстро отворила и, увидев Виэна, слегка удивилась:

— Ты чего здесь забыл?

Виэн убедился, что внутри никого нет, шагнул внутрь и понизил голос:

— Матушка, я хочу поговорить с вами о вашем сыне.

Лицо Лайру мгновенно переменялось. Если случившееся на кухне ещё можно было списать на шутку, то теперь, когда Виэн заговорил об этом напрямую, смысл полностью изменился. Она осторожно прикрыла дверь.

В тесной и загроможденной комнате для прислуги вторая служанка ещё не вернулась. Виэн стоял на месте, пока Лайру наливала ему стакан воды и с тревогой на лице произносила:

— Виви, неужели ты что-то знаешь?

Виэн поставил стакан на стол и с серьезным видом сказал:

— Не волнуйтесь так. Сначала ответьте мне: у вашего сына над левым глазом есть крупная родинка, а волосы с рыжеватым отливом?

Виэн изо всех сил старался припомнить внешность молодого человека, устраивавшего скандал в прошлой жизни, стараясь исключить черты, которые могли измениться с возрастом. К счастью, у сына матушки Лайру было достаточно приметных особенностей.

Внимательно выслушав, Лайру задрожала. Она судорожно схватила Виэна за руку и чуть не рухнула на колени:

— Умоляю тебя, никому не говори! Это действительно мой сын...

Виэн поспешно поддержал её:

— Успокойтесь же. Я ведь Виви, как я могу кому-то рассказать? Я на вашей стороне.

В глазах Лайру мелькнуло проблеск доверия. Опираясь на его руку, она села, сделала глоток воды и только тогда вспомнила спросить:

— Откуда ты знаешь? С ним что-то случилось?

Визн выложил заготовленную заранее историю:

— Мне рассказал один мой земляк. Кажется, ваш сын недавно проигрался ему в карты. Тот узнал, что вы работаете здесь, а раз я тоже здесь, то он обмолвился об этом в разговоре.

Лайру не могла поверить:

— Не может быть, с чего бы моему Брону садиться за карты? — И тем не менее описанные приметы совпадали до мельчайших деталей.

Визн улыбнулся. Он старался подражать мягкой и уверенной улыбке Ансея, но из-за слишком яркой внешности эта улыбка казалась чуть резковатой:

— Может, отправите ему письмо с вопросом или возьмёте отгул на денёк и съездите поведать? Я ни капельки не вру.

Лайру нахмурилась, погрузившись в тяжёлые раздумья. Визн не хотел ей мешать и уже собирался на выход.

Заметив его движение, женщина в панике принялась рыться в сундуках, пока не отыскала крошечное золотое кольцо, и с умоляющим видом протянула ему:

— Виви, у матушки больше ничего нет, возьми это. Только умоляю, никому ни слова, иначе меня могут... — она не договорила, подавившись рыданиями. Но никто не знал лучше Визна, что именно могло произойти.

Он прекрасно знал, что кольцо было из чистейшего золота — в прошлой жизни именно он помогал ей заложить его. И даже в том безрассудном прошлом он не присвоил себе ни единой медной монеты матушки Лайру, не говоря уже о настоящем.

Визн вложил кольцо обратно в её пухлую ладонь и крепко сжал её пальцы, тихо сказав:

— Я ничего никому не скажу. Пожалуйста, верьте мне. — Он обнял матушку Лайру за плечи: — Напротив, если у вас возникнут какие-то трудности, обращайтесь ко мне. Я сделаю всё возможное, чтобы вам помочь.

Про себя он мысленно добавил: «Я хочу, чтобы вы всегда были счастливы».